

Золотая Библиотека Мудрости

КОНФУЦИЙ

УРОКИ
МУДРОСТИ

МОСКВА
2016

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
К65

Текст печатается по изданиям:

Конфуций. Я верю в древность. — М.: Республика, 1995.
Шицзин (Книга песен и гимнов). — М.: Худож. лит., 1987.
Шуцкий Ю.К. Китайская классическая
«Книга Перемен». — СПб.: Алетейа, 1992.

Перевод с древнекитайского
Составление, вступительная статья
и комментарии *М.А. Блюменкранца*

Конфуций

К65 Уроки мудрости / Конфуций ; [сост., вст. статья, коммент. М. А. Блюменкранца]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 960 с.

ISBN 978-5-699-71939-6

Личность Конфуция, без сомнения, одна из ключевых в мировой философской мысли. В настоящем издании представлены канонический трактат «Луньюй» Конфуция, а также книги, традиционно включаемые в так называемый конфуцианский канон — «Шицзин» (Книга песен и гимнов) и «Ицзин» (Книга Перемен).

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

© Издательство «Фолио», текст на русском языке, 1998
© Блюменкранц М.А., составление, вступительная статья, комментарии, 1998
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-71939-6

КОНФУЦИЙ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Немецкий философ Карл Ясперс выделял в истории человечества особый период, так называемое осевое время. По мысли Ясперса именно тогда, между VIII и II вв. до н. э., были заложены основы современной цивилизации. Одновременно и независимо друг от друга в различных культурных регионах происходит качественный сдвиг в духовном развитии человечества, зарождается принципиально новое мировосприятие. Провозвестниками нового отношения к миру явились иудейские пророки в Палестине, Заратустра в Персии, первые философы в Греции, Будда и Махавира в Индии, Лао-цзы и Конфуций в Китае.

Можно отвергать или принимать теорию «осевого времени» Ясперса, но бесспорно одно: в плеяде великих учителей человечества фигура Конфуция — одна из ключевых.

Человек, известный европейцам как Конфуций, или Кун-цзы, родился в 551 г. до н. э. Знаменитый древнекитайский историк Сыма Цянь пишет об этом событии следующее: «Конфуций был рожден в селении Цзоу, волости Чанлин, княжества Лу. Его предка, уроженца Сун, звали Кун Фаншу. От Фаншу был рожден Бося, от Бося — Шулян Хэ. У Хэ от девушки из рода Янь, с которой он сошелся в поле, Конфуций и родился»¹.

Об отце Конфуция, Шулян Хэ, известно, что он принадлежал к сословию дай фу — аристократов, но самого низшего ранга, и обладал весьма скромным достатком. Сохранились предания, свидетельствующие о том, что он был храбрым воином и отличался незаурядной физической силой. Так, когда во время штурма столицы царства Баян часть луских войск была отрезана от основных сил, Шулян Хэ удерживал навесные ворота, которые обороняющиеся пытались опустить, до тех пор, пока луские солдаты не покинули крепость, грозившую стать для них западней.

¹ Цит. по кн.: Конфуций. Я верю в древность.— М.: Республика, 1995.— С. 10.

На седьмом десятке, после долгой череды сражений, Шулян Хэ вернулся на родину в Цзоу. Однако мирная жизнь отважного воина была омрачена серьезной семейной проблемой. Восемь детей было у Шулян Хэ, но все девочки. Он же мечтал о наследнике и продолжателе рода. Когда же и девятый ребенок, которого принесла ему жена, опять оказался девочкой, потерявший надежду отец взял наложницу, родившую ему сына Бо Ни. И снова горькое разочарование: дитя появилось на свет хромоножкой. По обычаю же калекам нельзя было приносить жертвы усопшим предкам. О полноценном наследнике рода Хун нечего было и думать. И вот тогда прославленный воин сватается к младшей дочери знатной семьи Янь из города Цюйфу. Наконец рождается сын — долгожданный и законный наследник. Мальчику дают имя Цю и родовую фамилию Хун. По традиции, существовавшей в древнем Китае, он получил и прозвище Чжун Ни. Когда ребенку не исполнилось и двух лет, умирает его отец Шулян Хэ и мать оказывается одна с мальчиком среди враждебно настроенной женской родни покойного мужа. Об их материальном положении красноречиво говорит признание самого Конфуция: «В детстве я был беден, поэтому приходилось заниматься многими презируемыми делами»¹. Вообще же о детских годах будущего великого учителя сохранилось крайне мало сведений. Интересным представляется сообщение все того же Сыма Цяня: «Будучи ребенком и играя, Кун-цзы часто расставлял на [столике] подносы и чаши для жертвоприношений, воссоздавая ритуальные обряды»². Эту раннюю увлеченность Конфуция ритуалом многие исследователи склонны объяснять влиянием матери на будущего патриарха знаменитых «китайских церемоний». Тем тяжелее был удар: юноше не исполнилось еще и семнадцати, когда внезапно скончалась его мать. Трудно сказать, что стало причиной столь ранней смерти, ведь Ян Чжи, матери Цю, было лишь чуть больше тридцати лет.

Вскоре после похорон матери случается инцидент, нанесший чувствительный удар по самолюбию молодого человека и оставивший болезненный след в его душе на всю жизнь. Эпизод этот словно символически предопределяет характер дальнейших взаимоотношений учителя Куна с властью предрержащими.

¹ Цит. по кн.: Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба.— М.: Наука, 1993.— С. 49.

² Там же.

Однажды Цзи Суньши, возглавлявший один из наиболее могущественных родов царства Лу, пригласил на банкет лусцев, принадлежащих к рангу ши. Так как его отец также принадлежал к этому рангу низшего аристократического слоя, Конфуций отправился в числе прочих на банкет. Однако у ворот усадьбы ему преградили путь и выпроводили с оскорбительными словами: «Семья Цзи дает банкет в честь ши, тебя же никто не звал». Это публичное унижение стало чувствительной раной для самолюбивого юноши, рано ощутившего свое особое призвание в мире. К слову сказать, даже внешним обликом Конфуций выделялся среди современников: во-первых, необычной формой головы — он родился с продавленным теменем, во-вторых, высоким ростом. Как отмечал Сыма Цянь: «Кун-цзы был высотой в девять чи и шесть цупей, все звали его верзилой, и он отличался от других»¹. В принятой у нас системе измерений это примерно соответствует 1,91 м и является довольно внушительным ростом даже по современным европейским меркам.

В 19 лет Конфуций женится на девушке из семьи Ци, жившей в царстве Сун. Через год у них рождается сын. По случаю этого радостного события правитель Чжан-гун поздравляет Кун-цзы, посылая ему со слугой живого карпа. В знак признательности за оказанную ему правителем честь счастливый отец дает новорожденному имя Ли, что означает «карп», и впоследствии добавляет прозвище Бо Юй (юй — рыба, бо — старший из братьев). Однако с последним Конфуций несколько поторопился, так как сыновей у него больше не было.

Женившись, Конфуций поступает на службу в дом Цзи, где занимается, согласно Сыма Цяню, «измерениями и взвешиваниями». Вероятно, речь идет о работе в зернохранилищах. Затем он назначается смотрителем пастбищ.

В 28 лет Конфуций впервые принимает участие в торжественном жертвоприношении в главном храме царства Лу. Здесь происходит знаменательный эпизод. Конфуций, к тому времени уже прослышавший человеком весьма образованным, только и делал, что спрашивал о значении каждой процедуры, чем вызвал недоуменный вопрос: «Кто сказал, что сын человека из Цзоу разбирается в ритуалах? Он расспрашивает буквально о каждой детали». Конфуций спокойно ответил: «В таком месте спрашивать о каждой детали и есть ритуал!». Вопросание о сути каждого поступка или изречения станет одним из методов обучения учителем Куном своих учени-

¹ Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба.— С. 54—55.

ков: «Если знаешь, то говори, что знаешь; а если не знаешь, то говори, что не знаешь»¹.

Примерно к этому же периоду жизни относится и обучение Конфуция музыке. Кун-цзы берет уроки игры на цине (семиструнной люгте) у одного из самых известных в то время музыкантов в Цюйфу Ши Сяна.

Остались примечательные свидетельства Сыма Цяня об исключительной требовательности к себе новоявленного ученика: «Конфуций учился у Ши Сяна игре на цине. Прошло десять дней, а он все еще разучивал лишь начальные аккорды. Ши Сян-цзы сказал: „Можно разучивать другую песню, этой Вы уже овладели“. Конфуций ответил: „Я лишь освоил мелодию, но еще не овладел искусством исполнения“. Через некоторое время Ши Сян-цзы произнес: „Искусством исполнения Вы уже овладели, можно приступать к изучению новой песни“. Конфуций ответил: „Я еще не понял, в чем выразительность ее устремленности“. Прошло еще некоторое время, и Ши Сян-цзы произнес: „Вы уже овладели ее устремленностью, приступайте к разучиванию следующей песни“. Конфуций погрузился в глубокое размышление. Затем очнулся и, взглянув вдаль, радостно сказал: „Я представляю себе этого человека. У него смуглый лик, он высок ростом, взор его устремлен вдаль. Он подобен вану, взирающему на четыре стороны света. Кто кроме чжуского Вэньвана мог создать такую песню?“. Услышав такое, Ши Сян-цзы поднялся с циновки и дважды поклонился Конфуцию: „Мой учитель говорил, что песня эта первоначально называлась «Вэнь-ван чао»².

О том, какое значение Кун-цзы придавал музыке, видно из его изречений: «Учитель говорил:

— Я вдохновляюсь Песнями,
Ищу опору в ритуалах
И завершаю музыкой»³.

«Если у человека не будет добродетелей, свойственных человечеству, то для чего музыка?» «Ум образовывается чтением од, характер воспитывается правилами поведения, окончательное же образование дает музыка»⁴.

Во времена Конфуция быть образованным означало владеть шестью видами искусств (*Люи*): выполнять ритуалы,

¹ Цит. по кн.: Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба.— С. 58.

² Там же.— С. 62.

³ Конфуций. Я верю в древность.— С. 93.

⁴ Будда. Конфуций. Жизнь и учение.— М.: Искусство, 1995.— С. 67.

понимать музыку, стрелять из лука, управлять колесницей, уметь читать и знать математику, то есть уметь считать. Сохранились косвенные свидетельства, что Кун-цзы также владел искусством стрельбы из лука и искусством управления колесницей.

Размышляя о своей жизни, Конфуций выделил несколько этапов своего становления: «В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры»¹.

По собственному признанию Кун-цзы, формирование его личности происходит к тридцати годам. По мнению китайского исследователя Куан Ямина, именно к этому возрастному рубежу Конфуций осваивает достижения древнекитайской культуры, что в дальнейшем позволяет ему приступить к работе над пятью книгами цзинов (И-цзин — Книгой Перемен, Шу-цзин — Книгой исторических документов, Ши-цзин — Книгой стихов, Ли-цзи — Книгой о ритуалах, Чунь-цю — «Весны и Осени» — Хроника событий 721—480 годов до н. э.). К этому времени, по-видимому, складывается основа этико-философского мировоззрения Конфуция. Это прежде всего концепция *жэнь* («гуманность», «человеколюбие») и *ли* («правила», «этикет»). *Ли* при этом понималось как высшее проявление жэнь. Из трех основных религиозно-философских учений Китая — даосизма, чань-буддизма и конфуцианства — последнее в полной мере отражало представление, свойственное архаической стадии развития культуры о тождественности понятий космической и социальной справедливости. В соответствии со спецификой такого мировосприятия Конфуцием была выстроена строгая иерархическая система, пронизывающая собой космос и социум как единое сакральное целое. Поэтому одно из фундаментальных положений конфуцианской доктрины о безусловной преданности чиновника правителю и безусловном почитании его не являлось актом примитивного конформизма, как это мог бы интерпретировать неискушенный читатель, а священным актом, призванным поддерживать равновесие и гармонию во Вселенной. Именно поэтому Конфуций соединял воедино два таких разных в нашем представлении понятия, как «власть» и «справедливость». Ибо в их единстве реализуется Воля Неба. Тогда же возникает у Учителя идея о «следовании среднему пути» (*чжун-юн*), или учение о сере-

¹ Конфуций. Я верю в древность.— С. 59.

дине, в котором Кун-цзы предостерегает от опасности следования крайностям. В дальнейшем составление и запись Учения о середине (*чжун-ю*) традицией приписывается внуку Конфуция.

И все же стержневым моментом в учении Конфуция становится идея сакральной наполненности ритуала. «По Конфуцию, — пишет В. Малявин, — ритуальная выверенность каждого жеста, каждого слова и даже каждой мысли есть не что иное, как встроенность в изобильный ритм вселенской жизни. Поэтому управление в конфуциевой традиции есть прежде всего исправление (оба знака в китайском языке звучат и пишутся почти одинаково). Исправление себя, в первую очередь. Возвращение к тому, что изначально заложено в нас, к „первозданной чистоте сердца“, к чистоте, освещенной светом сознания, исполненной бесконечно долгим усилием воли»¹. «Светила в небесах, по представлению древних китайцев, образуют „небесный узор“ (*тянь вэнь*), и этот древний образ мирового согласия полностью подобен „узору“ человеческой культуры (*вэнь*) как образу стилизованной и доставляющей эстетическое наслаждение жизни. Конфуций потому и стал отцом китайской традиции, что он каждой черточкой своего поведения, каждым словом давал понять, что в мире существует всеобщий порядок, принимающий в равной мере природу и человека, материальное и духовное, и этот порядок воплощен в незыблемых законах роста всего живого и в жизни самого сознания. Духовное свершение для Конфуция — это просто сполна прожитая жизнь»².

Сущность ритуала для Конфуция — это музыкальная настроенность души на глубину жизни. Каждый фрагмент человеческого существования должен репродуцировать целостность бытия. Поэтому «Учитель говорил:

— Кто утром слышит о Пути,
Тот может вечером и умереть спокойно»³.

С ли связан у Конфуция и образ идеального человека «цзюнь цзы» (буквально: «сын правителя»). Тонкий анализ взаимосвязи этих понятий предпринят Гербертом Фингареттом: «Благородный (в духовном смысле) человек — это тот, кто трудится над алхимическим сплавлением социальных форм (*ли*) и проявлений человеческого существования та-

¹ Малявин В. Конфуций.— М.: Молодая гвардия, 1992.— С. 151.

² Там же.— С. 206—207.

³ Конфуций. Я верю в древность.— С. 70.

ким образом, что они превращаются в бытие, реализующее *дэ* — свойственную человеку добродетель, или способность к совершенству... Человек обретает свою человеческую подлинность, когда его стихийные порывы под воздействием *дэ* принимают определенную форму. А *ли* является собой исполнение человеческих порывов, их культурное выражение, которое не имеет ничего общего с лишаящим человеческих черт формализмом. *Ли* образует форму динамического взаимоотношения людей, придающую им человеческие черты... Если „побеждать“ себя и всегда быть обращенным к *ли*, то требуется в буквальном смысле только изначальный ритуальный жест в надлежащем обрядовом контексте, и тогда все „происходит“.

Важно понять, что отсутствие усилий нельзя рассматривать как нечто происходящее „механически“ или „автоматически“. В противном случае церемония, как на это постоянно указывает Конфуций, оказывается мертвой, выхолощенной, пустой: в ней нет духа. Когда „заступает“ подлинная ритуальность, она становится разновидностью спонтанности: ритуал совершается „сам по себе“. В нем заключается жизнь, поскольку те, кто в нем участвуют, исполняют его со всей искренностью и серьезностью. Подлинное исполнение ритуала требует непосредственного „участия в жертвоприношении“, в противном случае „его как бы и не было“... Прекрасное и результативное совершение ритуала требует, чтобы личное участие сочеталось с ритуальным мастерством. Это соединение составляет подлинное *ли* как сакральный ритуал»¹.

Таким образом, ритуал выступает у Конфуция и как форма символического мышления, и как принцип иерархического понимания бытия, и как метод структурирования космоса и социума.

«Учитель сказал:

— Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность»².

Однако вернемся к коллизиям жизненной судьбы «Учителя десяти тысяч поколений», как именовали Конфуция на родине. С годами росла слава Кун-цзы, тем не менее при-

¹ В кн.: Конфуций. Я верю в древность; Фингаретт Г. Конфуций: мирянин как святой.— С. 310—311.

² Там же. «Луньюй».— С. 58.

знание не помогло служебному продвижению Кун-цзы. Два года он проживает в царстве Ци и даже удостоивается аудиенции у правителя Цзин-гуна. Однако вместо ожидаемой должности правитель предлагает ему удел, обеспечивающий достаток, но ставящий Кун-цзы в полную зависимость от своего царственного покровителя. Поразмыслив, Конфуций от подарка отказался.

В пятьдесят лет судьба, казалось бы, улыбнулась ему. Учителя Куна берет под свое покровительство Дин-гун из могущественного семейства Цзи. Сначала он занимает пост правителя города Чжунду, затем — главы ведомства общественных работ и верховного судьи. Впервые Конфуций приобретает высокое положение при дворе и возможность хотя бы частично осуществить на практике свое понимание «праведного Пути». Но как свидетельствовал печальный опыт другого великого учителя — Платона, заручившегося покровительством тирана Дионисия, любовь сильных мира сего к мудрецам — дело хрупкое и быстротечное. Уже по прошествии четырех лет, обиженный пренебрежительным отношением к нему со стороны государя, Конфуций покидает Лу и направляется в царство Вэй. Начинается четырнадцатилетний период скитаний Учителя и безуспешные попытки поступить на службу. Из царства Вэй он переезжает в царство Сун, оттуда через год следует в царство Чэнь, через два года — в Чу, по прошествии двух лет вновь возвращается в Вэй. Затем — опять в Лу. Здесь, окруженный заботой преданных учеников, Конфуций завершает работу над хроникой «Чунь цю», приводит в порядок церемониальную музыку Лу и производит окончательную редакцию канонических книг.

В 479 году до н. э. после непродолжительной болезни «Учитель десяти тысяч поколений» мирно скончался на 73-м году жизни.

Но и сегодня, по прошествии почти двух с половиной тысяч лет после смерти Конфуция, удивительно современно звучат некоторые из поучений древнего мудреца: «...Когда под Небесами следуют пути, будь на виду, а нет пути — скрывайся. Стыдись быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдись быть знатным и богатым, когда в ней нет пути»¹.

В XVIII столетии философы Просвещения чаяли наступления в скором времени на Земле Царства Разума и Добра.

¹ Конфуций. Я верю в древность. Луньюй. — С. 93—94.

В XIX — позитивистски настроенные мыслители искренне верили в мессианское предназначение науки в деле достижения справедливого и высокогуманного общества, прогресс науки с неизбежностью должен был снять все острые социальные проблемы.

В XX веке нам суждено было с горечью пережить крах этих прекраснородушных иллюзий. Наше время показало, что человеческий разум и добро, вопреки мнению Сократа, вещи не тождественные — разум можно использовать и по-дьявольски.

Развитие науки не явилось панацеей для решения кардинальных социальных проблем, оно лишь резче выявило противоречия, заложенные в основе современной цивилизации.

Одно из фундаментальных противоречий — это постоянно нарастающий разрыв между техническими возможностями человека и его духовно-нравственным уровнем. Английский историк Арнольд Тойнби считал, что, рассматривая историю культур, правомерно говорить лишь о прогрессе нравственных задач, но не о нравственном прогрессе самой человеческой природы. Основные параметры нравственных задач для европейской культуры были заданы еще две тысячи лет назад христианской религией. И вот сегодня, овладев технологиями невиданной доселе разрушительной мощи, мы, похоже, оказались морально неподготовленными для того, чтобы не подпасть под власть этих чудовищных сил. Чувство ответственности, как продемонстрировали великие социальные катаклизмы нашего века, оказалось у нас слабей инстинкта агрессии и нашей склонности к насилию. Средства провозгласили себя целями, и мы явились заложниками блистательных успехов нашей не знающей преград научно-технической мысли. «Если предыдущие поколения оставляли после себя соборы, то наше поколение, возможно, оставит только излучающие реакторы, которые, боюсь, уже никто не увидит», — писал Александр Генес.

Когда известные западные философы анализируют кризисные явления эпохи, то речь идет либо о ситуации восстания масс, либо о морфологических соответствиях нашего времени закату александрийской эпохи, либо о губительных духовных редукциях в процессе секуляризации культуры — все это, несомненно, существенно для понимания современной картины мира, но в то же время это лишь следствия более глубоких духовных сдвигов.

Знаменитый психолог Карл Юнг вспоминает, как он был изумлен утверждением индейцев пуэбло, что все американцы — сумасшедшие. На вопрос Юнга, почему они так счи-

тают, индейцы ответили: «Американцы говорят, что они думают головой, все нормальные люди думают сердцем. Мы думаем сердцем».

В конфуцианском Китае существовало выражение: «синь шу» — «техника сердца». Владение синь шу обеспечивало доверие, искренность и радушие между людьми.

Мир, в котором мы живем сегодня, способен обеспечить множеством материальных благ даже человека со средним достатком. Работающий человек в развитых странах современного Запада с точки зрения наличия бытовых удобств живет зачастую в более комфортных условиях, чем, к примеру, знатный вельможа в период средних веков. Однако умение «думать сердцем» в наше время становится все более и более редким даром.

В жестком ритме современной цивилизации, в мире климатического потепления и человеческого оледенения мы потеряли целостное чувство жизни, способность **переживать** бытие как Единство. И, словно мальчик Кай из андерсеновской сказки, безуспешно пытаемся из своих ледышек сложить спасительное слово: «Вечность». Но из льдинок живая Вечность не складывается.

И нам остается лишь грустно повторять вместе с Томасом Элиотом: «Где наша мудрость, потерянная ради знаний, где наши знания, потерянные ради информации?»

М. А. Блюменкранц

Конфуций

Луньюй

Глава 1
УЧИТЬСЯ

1

Учитель говорил:

— Не радостно ль учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека? Не тот ли благороден муж, кто не досадует, что неизвестен людям?

2

Учитель Ю сказал:

— Редко бывает, чтобы человек, полный сыновней почтительности и послушания старшим, любил бы досаждать правителю. И не бывало вовсе, чтобы тот, кто не любит досаждать правителю, питал бы склонность к мятежу. Благородный муж заботится о корне; когда заложен корень, то рождается и путь, сыновняя почтительность и послушание старшим — не в них ли коренится человечность?

3

Учитель сказал:

— Человечность редко сочетается с искусными речами и умильным выражением лица.

4

Учитель Цзэн сказал:

— Я на день трижды себя вопрошаю: добросовестно ли я трудился для людей? Сохранил ли искренность в общении с друзьями? Повторял ли то, чему меня учили?